

Сегодняшнее утреннее заседание завершилось.

Его Величество не тронул ни единой монеты из государственной казны и не нарушил ни буквы закона. Действуя чисто и решительно, он расправился с несколькими провинившимися чиновниками. Более того, нашлось решение и для проблемы с оказанием помощи пострадавшим в Цзяннани. Те преступники, что были в сговоре с канцелярией цензоров, теперь, желая искупить свою вину, непременно уладят всё должным образом. А глядя на их печальный опыт, те, кто успел присвоить себе средства, предназначенные для спасения людей, теперь дрожат от страха, словно птицы, слышавшие звон тетивы, и готовы вернуть всё до последней монеты.

Темно-синяя императорская колесница замерла у входа в зал Циньчжэн, дожидаясь правителя. Янь Цинмо, заложив руки в широкие рукава, не спеша приблизился. Одинокая фигура, он, не колеблясь, преградил путь колеснице. В этот момент сановники уже начали расходиться, и у зала Циньчжэн остались только они двое.

Сюй Цяо невозмутимо посмотрела на него. Хотя ей совсем не хотелось иметь дело с этим старым хрычом, уклониться не удавалось. На её губах заиграла холодная усмешка, а голос прозвучал равнодушно и лениво:

— У регента есть какое-то важное дело?

Янь Цинмо пристально взглянул на неё, прежде чем холодно произнести:

— Ваше Величество управляется с государственными делами весьма искусно.

Прозвучало это как похвала, но тон был пропитан холодом.

— Однако мне неизвестно, столь же успешно ли Ваше Величество справляется с делами гарема?

Тц, гарем? Старик совсем выжил из ума? Он что, забыл, что она император-одиночка и в её гареме до сих пор пусто? В глазах Сюй Цяо, ясных и прекрасных, промелькнула холодная насмешка. Она изогнула губы в улыбке:

— Вы шутите. У меня пока нет намерений набирать наложников.

Она слегка помедлила и насмешливо добавила:

— Или, быть может, князь хочет преподнести мне в дар несколько красавиц?

Взгляд Янь Цинмо немного смягчился, когда он скользнул по её холодному, ослепительному профилю. Даже эта её язвительная усмешка будоражила сердце. Он опустил глаза, глядя на неё, и тихо проговорил:

— Ваше Величество прекрасно понимает, о чём я.

Тц, сколько времени болтает, а к сути так и не перешёл. Сюй Цяо лениво прищурилась. Ей надоело препираться, и она предпочла замолчать, прислушиваясь к его словам.

— Сегодня утром, перед выходом к утреннему докладу, Ваше Величество вызывали во дворец канцлера Жуна, — голос Янь Цинмо звучал глухо и холодно. — По какой причине — я не стану уточнять.

Вот оно что. Слухи до этого старика всегда доходят слишком быстро. А ведь она всего лишь пригласила канцлера, знатока ядов и целительства, осмотреть маленькую лисицу. Так вот что он имел в виду... эта лисица и есть её гарем? Сюй Цяо лишилась дара речи. Она беспомощно усмехнулась:

— Хорошо, пусть будет по-вашему, если вам так угодно.

Она приподняла край занавески курительной трубкой из тёплого нефрита, намереваясь войти в колесницу, но сложенный веер мягко, но настойчиво преградил ей путь. Стало ясно: он не позволит ей уйти. Янь Цинмо сложил веер, его лицо помрачнело. Сжав тонкие губы, он произнёс:

— Раз уж Ваше Величество оставили ту лисицу у себя, руководствуясь лишь интересом к её крови...

Он не успел договорить, как Сюй Цяо холодно рассмеялась:

— Князь хочет сказать, что мне не следовало заботиться о том, выживет ли она, и бросить её на произвол судьбы?

Янь Цинмо заметно опешил, а его губы сжались ещё плотнее. Неужели она спорит с ним из-за какой-то лисицы? Неужели это животное действительно что-то значит для неё? Он издал глухой смешок:

— Похоже, я проявил излишнее беспокойство и не должен был пытаться ограничивать Ваше Величество.

В устах Сюй Цяо эти слова прозвучали как угроза — словно он снова напоминал ей о двух императорских указах её покойного отца. Весь мир знал, что власть регента безгранична, и даже её личные дела он считает нужным контролировать. Сюй Цяо, поглаживая пальцами нефрит на трубке, невозмутимо посмотрела на него и с лёгкостью, будто стряхивая пыль, бросила:

— Как я поступаю — это регента совершенно не касается.